

ДИПЛОМАТИЯ ПЕТРА I И ПРЕВРАЩЕНИЕ РОССИИ В АКТОРА СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII В.

Григорькин Василий Александрович*

К. и. н., доцент

wormannmeister@gmail.com

Раслова Анастасия Андреевна*

магистр

anastasya_ras@mail.ru

* ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»,
г. Саранск, Россия

Аннотация:

Статья посвящена изучению особенностей дипломатии Петра I, способствующей превращению России в субъекта мировой политики XVIII века. Петр I искусно сочетал политику и экономику, умел психологически поразить собеседника, блестяще разбирался в тонкостях дипломатии, и в итоге с полным успехом завершил Северную войну, завоевав не только Прибалтику, но и симпатии в «мировой мастерской» – в Великобритании.

Ключевые слова: Петр I, политика, дипломатия, экономика, переговоры, пенька, мирный договор.

УДК 32:93/94 (470+571)

DOI: 10.24411/2658-6932-2022-11-0000

Для цитирования: Григорькин В. А., Раслова А. А. Дипломатия Петра I и превращение России в актора системы международных отношений в XVIII в. / В. А. Григорькин, А. А. Раслова // Контентус. – 2022. – № 11. – С. 34 – 42.

Европейские международные отношений в XVII – XVIII веках представляют собой сложную систему, состоящую из сложных, противоречивых взаимодействий старых обычаев феодальных времен и новых, зарождающихся принципов и закономерностей.

Вестфальский мир 1648 года вводит в практику принципы нового времени и открывает эту переходную эпоху. Если изначально участниками международных отношений были исключительно коронованные лица, то

после признания же независимости Нидерландов и Швейцарии ими становятся государства, страны, нации. То есть монарх в качестве субъекта внешней политики действует от имени государства.

Всё это серьезно ослабляется влияние теократического, религиозного фактора, внешняя политика отделяется от церкви, государства становятся светскими. Поэтому коалиции и союзы все чаще представляют собой смешение католических и протестантских стран. Для германского императора-католика врагом становится католик Людовик XIV, а друзьями – протестантские Англия и Голландия и т. п. Постепенно утверждается принцип государственного суверенитета, который уже не может ограничиваться надгосударственной духовной или светской властью папы римского или германского императора. Наконец, все страны, независимо от религиозной принадлежности, размеров, местонахождения, признаются равноправными.

Петровское время было заметным скачком в развитии России как внутри страны, так и в ее внешнем положении. Россия сбрасывала с себя средневековое обличье, шла генеральная «модернизация» всех сторон русской действительности.

Положение России на международной арене долгое время было чрезвычайно трудным. На протяжении западной границы лишь на ее центральном участке обстановка почти постоянной 200-летней войны с Польшей сменилась более спокойным, хотя и не всегда мирным, состоянием. Что же касалось ее левого фланга, обращенного в сторону Турции, и ее правого фланга, противостоявшего Швеции, то здесь военное напряжение не ослабевало, а в конце XVII в. ситуация еще более обострилась: начались Крымские, а потом и Азовские походы, которые к тому же банально опоздали: обстановка в Европе складывалась к Карловицкому миру 1699 г. между Турцией и ее европейскими противниками. Попытка исправить ситуацию Великим посольством 1697-1698 гг. успеха не имело и к миру пришлось присоединиться и России.

Несмотря на то, что создание антитурецкой коалиции европейских стран оказалось невозможным, борьба России против Турции пользовалась симпатией на Западе. Взятие Азова, например, вызвало благоприятный для России международный резонанс. Известие об этом событии обошло «печатные куранты» всей Европы, русских дипломатов поздравляли в западных странах с этой победой. Находившийся тогда в Вене русский посланник Кузьма Нефимов получил из Италии тетрадь со стихами на взятие Азова. Автор писал, что победа русских «удивлением наполнила всю Европу, а особо целую Италию, призвав всех стихотворцев к сим нынешним радостям». Стихотворец сообщал, что свои стихи он

«дерзнул есмь рассылати и во многие школьные училища всея Европии» [8, с. 298].

На пороге XVIII века центр тяжести во внешней политике России перемещается на правый фланг ее западной границы. С этого хронологического рубежа берет начало тяжелая двадцатилетняя полоса Великой Северной войны, проходящая по всему Петровскому времени; задача состояла в том, чтобы довести до конца давнишнюю борьбу России за выход в Балтику, чтобы, наконец, «в Европу прорубить окно, ногою твердой стать при море». Это был самый прямой и самый удобный путь на Запад.

С этой поры Россия начинает выдвигаться в ранг великих держав, определявших положение в Европе и во всем мире. Великие державы встретили появление России в ее новой роли с удивлением и враждебностью. До сих пор Россия им рисовалась страной далекой, азиатской, недостаточно сильной, чтобы вмешиваться в дела Запада. Теперь они вынуждены были считаться с Россией, но презирали ее за отсталость.

Когда весть о Полтавской победе долетела до центра тогдашней международной политики – Гааги, там отказались этому верить. Шведский посол Палмквист уверял дипломатов, что слухи о Полтаве это – козни русских с целью принудить изгнанного из Польши Августа II выйти, наконец, из своего саксонского убежища и двинуться на помощь Петру. Далеко не все представители западных держав нашли в себе такта поздравить русского посла А. А. Матвеева с победой, а на банкетах, которые давал Матвеев в связи с Полтавой, вид послов не свидетельствовал об их радости. Сам глава голландского правительства Гензиус в ответ на официальное объявление ему Матвеевым о победе, не постеснялся выразить удивление – не слишком ли быстро была разбита непобедимая шведская армия? Западная Европа радовалась гибели армии Карла XII, но она вовсе не желала усиления России.

Кроме того, Полтавская победа внесла резкие и радикальные перемены в расстановку сил на европейской арене. Договоры, навязанные государствам Европы Карлом XII, перестали что-либо значить, тогда как созданный Петром Северный союз, распавшийся под ударами шведской армии, вновь возродился и стал не последней силой в международной политике. Август II двинулся в Польшу – это означало, что вышедший было из игры союзник России вновь возвращался в строй. Эхо Полтавской победы докатилось и до крайнего запада Европы, где была в разгаре война за испанское наследство. Каждая из сторон теперь была вынуждена принимать Россию в расчет в своих дипломатических комбинациях. Швеция переставала быть великой державой. Россия становилась ею [6, с. 298-299].

Чтобы понять изумление, с которым встретили результаты Полтавского сражения и сдачи у Переволочны в Европе, достаточно всего лишь

одной фразы, сказанной государственным министром Людовика XIV, Жанном-Батистом Кольбером маркизом де Торси в 1708 году об армии Петра: «...В этой армии 80 тысяч трусов, которых обратят в бегство и 8 тысяч шведов!» [1, с. 49].

Но больше всех были поражены случившимся Морские Державы – Англия и Голландия. Оранский к тому времени уже умер, Англией правила Анна Стюарт, но единая позиция двух стран на мировой арене сохранялась. «Следует понять, что на тот момент в Лондоне просто молились на концепцию баланса сил, или политического равновесия (balance of power). Согласно этой концепции, разные полюса сил уравнивают друг друга, и в результате и возможны международная политика и международное сотрудничество. То есть, к примеру, существуют Англия и Голландия, и существует их противовес – Франция. Существует Австрия, и существуют ее противовесы – Турция и Швеция. У Турции, соответственно, есть свои противовесы, у Швеции – свои, и так далее, до бесконечности. В принципе, в краткосрочном плане, или даже в среднесрочном – концепция неплохая. Но большой минус подобной концепции – она статична и метафизична. Когда появляется какая-то новая сила, рушащая нынешнее политическое равновесие, её инстинктивно воспринимают ее в штыки, даже если эта сила нам полезна и нужна. Просто потому, что она рушит сложившийся и привычный баланс сил. То есть мы всеми силами пытаемся вернуть обратно разболтавшуюся систему в привычное старое равновесное состояние» [4].

Так вот Россия неожиданно для всех оказалась той новой силой, которую совершенно не учитывали в балансе мировой политики. И тут армия Швеции разгромлена, датчане и поляки вновь вступают в войну, и что делать с пресловутым балансом? Послать на подмогу армию или флот? Но на тот момент Англия и Голландия сошлись в жестокой схватке с Францией, и свободных войск и эскадр у них не было.

Ситуация для Швеции осложнялась еще и тем, что потерянная армия была, по сути, единственной свободной силой, остальные войска были нужны для обороны Прибалтики, Финляндии, Шведской Померании и собственно Швеции. Это поняли и ее враги. С молниеносной быстротой 17 июля 1709 года (то есть через месяц после Полтавы) короли Дании и Пруссии, а также курфюрст Саксонии Август Сильный начали переговоры о заключении антишведского союза. Пруссак в результате решили выждать, тем более что в 1708-1709 годах Восточная Пруссия пережила страшный голод, много людей умерло от голода и тифа (этого вечного спутника голода), эпидемия унесла более двухсот тысяч человек – около половины населения, регистрировались даже случаи людоедства, но сам факт переговоров говорил о многом.

Меж тем сухопутная кампания 1710 года была для России триумфальной – были взяты Рига, Ревель, Дюнамюнде, Эльбинг, Пернов, Кексгольм. Русские захватили всю Эстляндию, Лифляндию и Карелию. В общем, к началу 1710 года английским дипломатам стало ясно, что русские сломали так ими лелеемый баланс сил.

Надо сказать, что Петр это понимал. Более того, с помощью дипломатических интриг и маневров он стремился сделать Морские Державы своими союзниками и врагами. Швеции. Приведем пример такой интриги.

Начать надо с деятельности Чарльза Витворта в России, ибо он прямо причастен к тому, что произошло далее. Он был полномочным и чрезвычайным послом в России с 1704 года, и, судя по всему, был креатурой Роберта Харли, графа Оксфорда. Последний с 1704 года был государственным секретарем Северного Департамента и главой внешнеполитической разведки Англии. Так вот, Витворт стал на время одним из доверенных лиц царя Петра, и по требованию самого Харли отослал несколько записок о России, которые в середине века вышли уже отдельной книгой [9].

Так вот, в серии записок, предназначенных именно для внутреннего потребления при дворе, Витворту удалось дать цельное описание России как государства, и показать выгоды торговли с ней.

Англичане с удивлением узнали, что те же шведские пенька и лен, которые они закупали в Риге, на самом деле совсем не шведские, а русские. Цитата из труда Витворта «О России»: «В Англию вывозят в основном пеньку, лен, ворванный жир, полотно, поташ, ремень, рыбий клей, воск, смолу, юфть и икру, два последних товара вывозят в Ливорно. Голландцы и гамбургцы вывозят, далее, древесную золу, мачты, высушенные и соленные кожи, сало, соболей, конопляное семя, рогожу и свиную щетину» [9, с. 57].

В 1708 году принцем-консортом Георгом Датским была определена потребность Королевского флота в пеньке – 1800 тонн в год. При средней цене закупки в 4 фунта за тонну траты на пеньку в год, как не сложно посчитать, составляли 7200 фунтов [4].

Война за Испанское наследство для Англии оказалась очень тяжелой, в том числе и на море, и товары для флота, в том числе и военного, были очень нужны. С пенькой вообще ситуация сложилась катастрофическая. К тому же цены на нее стали сильно расти. В 1708 году шведская и польская пенька обходилась в 7 фунтов за тонну, в 1709-м – уже в 11 фунтов за тонну, а к 1713-му доросла до 32 фунтов за тонну, причем последнюю цену поставил лично Карл XII, для того чтобы пополнить изрядно оскудевший шведский бюджет.

И сочинение Витворта пришлось как нельзя кстати. Поскольку в то время государственные и частные интересы были довольно часто взаимосвязаны, с Петром I было проведено несколько консультаций на тему

поставок пеньки англичанам. И в результате 23 марта 1714 года Отдел Снабжения Роял Неви заключает контракт с Россией на поставку 1200 тонн пеньки (66% всех потребностей в год), по фиксированной цене 6 фунтов (13 рублей серебром) за тонну. С учетом сопутствующих расходов (снаряжение кораблей, организация конвоя) сумма доходила до 11 фунтов 6 шиллингов. Конечно, не цена мирного времени, но Карл XII просил вообще 32 фунта, а поляки – 17! [10, с. 305]

В свою очередь король Англии Георг I и ряд его министров и послов настаивали на силовом решении проблемы, но войну объявить так и не решились, понимая, что в Парламенте такое развитие событий просто не поддержат. В итоге, бизнес победил политику – лишаться источника качественных ресурсов для своего флота англичане не рискнули и вынужденно согласились на «принятие реальности» в виде слома прежней «северной системы».

Аналогичным образом, хотя и несколько с другой стороны, решил Петр Великий и вопрос с Францией. Поскольку Швеция долгое время (с Тридцатилетней войны) была клиентом Франции, та пробует оказать ей помощь: «В октябре 1720 года Петр получил послание шведского короля, который просил начать мирные переговоры без посредников. Но почти одновременно фактический французский министр иностранных дел аббат Дюбуа настойчиво добивался посредничества. Поскольку Франция в это время проявляла склонность к союзу с Россией, то в Петербурге хотя и скептически относились к этой склонности, сочли нецелесообразным отклонить просьбу Франции» [11, с. 278].

В феврале 1721 года в Петербург прибыл французский посол Жак де Кампредон. Он имел четкие указания от Дюбуа – Финляндия, Лифляндия и Эстляндия должны отойти обратно Швеции. На подкуп русских министров была выделена гигантская сумма – 700 тысяч ливров, и французы не сомневались в успехе.

Русские дипломаты, Толстой и Шафиров, с удовольствием брали деньги, но на все разговоры о Прибалтике отвечали, что царь уже сообщил свои условия шведскому королю, и ждет подписания договора. На возражения Кампредона, что политика – это искусство уступок и компромиссов, ему ответствовали, что царь и так «с барского плеча» отдает Швеции целое княжество – Финляндию. И сразу же переводили все разговоры на брачный проект между Францией и Россией – венчании цесаревны Елизаветы с королем Людовиком XV. Если бы Кампредон знал, что дипломаты берут деньги с ведома и по приказу Петра (более того – и делят в строгом соответствии с российским морским призовым правом, «яко вражеские товары, з бою взятые»), что позиция России уже давно обсуждена

кулуарно – он бы, наверное, десять раз подумал о возможном неуспехе своей миссии.

Встреча с Петром у Кампредона состоялась на Адмиралтейской верфи – это был давно опробованный психологический прием царя. Посланники пробирались сквозь леса шпангоутов и килевых наборов, рискуя сломать себе шею, они не только зримо видели количество людей, работающих всего лишь на одной верфи, но и сам спуск военных кораблей на воду. Всё это позволяло продемонстрировать силу и мощь России, а, соответственно, и бесперспективность войны с ней.

Царь пришел на встречу с рубанком в руке, в просмоленной матроской робе, весь в стружках и опилках. Далее опять предоставим слово Николаю Николаевичу Молчанову: «Кампредон пытался разъяснить царю, насколько возрастет его слава, если он проявит великодушие и вернет Швеции завоеванные провинции. На это Петр со смехом ответил, что ради славы он охотно поступил бы так, если бы не боялся божьего гнева в случае, если он отдаст то, что стоило его народу стольких трудов, денег, пота и крови. Два месяца хлопотал Кампредон в Петербурге и ничего не добился. Однако его «посредничество» не пропало даром. Он смог понять, насколько могущественна теперь Россия» [3, с. 8–9].

Получив «сигнал», что присоединение Прибалтики к России в Европе не будет признано великими державами, Петр решает эту проблему в весьма неожиданном ключе. 30 августа 1721 года Ништадтский мирный договор был подписан. Основой его служил пункт 5, согласно которому (если отбросить все дипломатические условности) Петр покупал Прибалтику у Швеции, тем самым полностью легализировав свои претензии. Кроме того, Петр внес в договор пункт 6: «Его Королевское Величество Свейское о коммерции сим себе выговорил, что ему в вечные времена свободно быть имеет в Риге, в Ревеле и Аренсбурге ежегодно на 50 000 руб. хлеба покупать повелеть, который по учиненному засвидетельствованию, что оный или на е.к.в. счет, или от свейских от е.к.в. к тому именно уполномоченных подданных закуплен, не платя никаких пошлин или иных налогов, в Швецию свободно вывезен быть имеет; что, однако же, не о тех летах разуметься имеет, в которые за недородом или иными важными причинами е.ц.в. принужден будет вывоз хлеба генерально всем нациям запретить» [1, с. 49].

То есть Швеция получила преимущественное право закупки хлеба в Прибалтике на 50 тысяч рублей, даже если вдруг будет недород, и Россия запретит экспорт хлеба за границу.

Ништадтский мир фактически закрепил за Россией место в клубе элитных держав Европы, что немедленно нашло отражение в работе дипломатических ведомств.

Новые, более оживлённые отношения с Западом были и новым этапом в его изучении. Теперь это изучение было возведено в ранг государственной политики. Со времени Великого посольства в Западную Европу устремляется целый поток русских людей, по преимуществу молодежи, со специальной целью изучать Запад, вывозить оттуда культуру в Россию. Еще большую роль в ознакомлении с Западной Европой играли русские дипломаты. Их деятельность за рубежом теперь протекала в новых условиях. Задача дипломата уже не ограничивалась обязанностью довести до сведения иностранного двора точку зрения русского правительства и «посмотреть, каких там новостей объявилось». Русские посольства, как и посольства других стран, оседают при иностранных дворах, превращаются в посольства постоянные. Знакомство с чужой страной это уже не знакомство наездом, не собрание эпизодических наблюдений и случайно долетевших сведений, а изучение более систематическое и более глубокое.

В связи с этим меняется и дипломатическая отчетность. Статейный список еще некоторое время сохранял свое название, но это было нечто совершенно иное, чем Статейный список, например, середины XVII века, как по содержанию, так и по форме.

Задача Великого посольства не идет ни в какое сравнение с масштабами прежних посольств. Это было подчеркнуто в самой заглавии Статейного списка «Книга в десять 7205, 7206 и 7207 [1697, 1698 и 1699] гг., а в ней Статейный список великих и полномочных послов генерал-адмирала Франца Яковлевича Лефорта и генерала и воинского комиссара Федора Алексеевича Головина да думного дьяка Прокофея Возницына, как они посылаемы были от великого государя, царя Петра Алексеевича с грамотами для его царского величества государственных дел в окрестные государства – к цесарю Римскому, к аглинскому королю, к галанскому королю (!), к галанским статам, к курфюрсту Бранденбургскому и к князю Курляндскому». Их Статейный список занимает 919 листов. Не случайно он именуется книгой.

Еще более сложной теперь стала деятельность постоянных посольств. Примером тому может служить посольство А. А. Матвеева в Гааге. Его Статейный список в 1699 г., содержащий 229 листов, является отчетом о внутреннем состоянии Франции и имеет разделы: об административном устройстве этой страны, о ее церковном устройстве, об армии, о знатных фамилиях французского дворянства, о воспитании дворянской молодежи, о финансах, о просвещении и о законодательстве. Но Статейные списки теперь были лишь небольшой частью делопроизводства посольства. Об общем его объеме можно судить по сохранившемуся собранию дел посольства Матвеева «Книга записная всяких дел и случайных

ведомостей, бывших при посольстве в Голландии в Гравенгаге». Три части этого собрания содержат свыше 3 тыс. листов. Иными словами, Статейный список как эпизодический отчет уже не вмещал всей деятельности посольства, он уже отжил свой век, и в 1707 г. подача Статейных списков окончательно прекращается. Делопроизводство петровской Коллегии иностранных дел устанавливало регулярную отчетность постоянно действующего посольства за рубежом. Порядки коллегии начинают приближаться к порядкам позднейшего министерства.

Рядом с дипломатическими документами в петровское время особым видом источников выступают записки путешественников. Это были мемуары частных лиц, но лица эти обычно ездили за границу «за повелительным указом» Петра и имели те или иные дипломатические поручения. Мемуары часто поражают наивностью и ничтожностью наблюдений, кое-кто из авторов рассматривал Западную Европу как гигантскую кунсткамеру, наполненную всякими диковинами. Русский анонимный автор 1697 года в своих записках писал: «Видел индейских мышей, желтые и белые, как горностаи. Видел ворона, тремя языками говорит... Видел морского зайца, у которого затылочная кость полторы сажени», «Видел на полях множество мух, как свечи горят» [2, с. 110–113]. Но были люди, оставившие в своих записках ценные наблюдения над западной современностью.

Международные отношения того времени характеризуются двумя знаменательными явлениями: на западе Европы поднимается, оттесняя Францию, Англия, вступающая в эпоху «владычицы морей» (при этом не стоит забывать, что в XVIII в. $\frac{3}{4}$ английского флота было построено из русских материалов); на востоке континента появляется новая молодая, сильная держава – Россия. До этого из-за ее слабости, отсталости и изоляции в дипломатических кругах Запада восточной границей Европы в политическом отношении считался Днепр. Теперь эта граница отодвигается до своих естественных географических рамок, то есть до Урала. Международные отношения на нашем континенте приобретают действительно общеевропейский характер. Мир вступает в эпоху баланса сил и интересов, но баланс, основанного на взаимовыгодном сотрудничестве – так возникает современная привычная нам картина международной политической системы.

Список использованных источников

1. **Бобылев В. С.** Внешняя политика России эпохи Петра I / В. С. Бобылев. М.: Изд-во Университета дружбы народов, 1990. 77 с.
2. Журнал путешествий по Германии, Голландии и Италии / СПб.: Русская старина, 1879. С. 110–113.
3. **Измайлова И. А.** Петр Великий / И. А. Измайлова. М.: Олма Медиа Групп, 2011. 210 с.
4. **Махов С.** Русско-английское сотрудничество и соперничество 1709-1721 годов: Россия вторгается в Европу. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall101478806_2072 (дата обращения: 23.10.2022).
5. **Молчанов Н. Н.** Дипломатия Петра Первого / Н. Н. Молчанов. М.: Международные отношения, 1984. 440 с.
6. Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). М., 1966. 504 с.
7. **Павленко Н. И.** Петр Первый и его время / Н. И. Павленко. М.: Просвещение, 1989. 176 с.
8. Памятники дипломатических отношений древней России с державами иностранными. СПб., 1871, С. 1195–1201.
9. Россия в начале XVIII в. Сочинение Ч. Уитворта. М.: АН СССР, 1988. 222 с.
10. **Шипилов А. В.** Торговля, транспорт и связь в России первой половины XVIII века / А. В. Шипилов. Воронеж: ВГПУ, 2008. 328 с.
11. **Эрланже Ф.** Регент / Ф. Эрланже. М.: Энас, 2008. 286 с.

THE DIPLOMACY OF PETER I AND THE TURNING OF RUSSIA INTO AN ACTOR OF THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE 18TH CENTURY

Grigorkin V. A.**

Ph.D., Associate Professor

wormannmeister@gmail.com

Raslova A. A.**

master's student

anastasya_ras@mail.ru

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Abstract:

The article is devoted to the study of the peculiarities of the diplomacy of Peter I, which contributed to the transformation of Russia into a subject of world politics in the 18th century. Peter I skillfully combined politics and economics, knew how to psychologically impress his interlocutor, brilliantly understood the subtleties of diplomacy, and as a result, succeeded in the Northern War, having won not only the Baltic states, but also gained the sympathy in the "world workshop" - in Great Britain.

Key words:

Peter I, politics, diplomacy, economics, negotiations, hemp, peace treaty.